

industrialpark.by/upload/iblock/387/38769066d62452e8a0280c40cca16117.pdf. – Дата доступа: 15.02.2022.

7. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 2021 г., № 9. – Режим доступа: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/9dir.pdf>. – Дата доступа: 14.02.2022.

8. Беларусь – Китай: «железное братство» [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/belarus-kitay-zheleznoe-bratstvo.html>. – Дата доступа: 18.02.2022.

9. Директива № 9 улучшает условия для привлечения в «Великий камень» инновационных проектов и стартапов [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/navstrechu-obshchey-vygode-direktiva-9.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.

10. 中国统计年鉴 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm>. – Дата доступа: 18.02.2022.

11. Се Сяюнь: Межрегиональное сотрудничество – новая точка роста в отношениях Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Газета «Звезда». – Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20211110/1636525380-se-syaoyun-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-novaya-tochka-rosta-v>. – Дата доступа: 15.02.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

A. A. Сулейков

Институт экономики Национальной академии Беларуси, Минск

A. Suleikau

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk

УДК 351/354:323:321.01

БАК 23.00.02

ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК ФАКТОР СФЕРЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE PHENOMENON OF “SOFT POWER” AS A FACTOR OF THE ADMINISTRATIVE RELATIONS’ SPHERE

Статья посвящена значению концепции «мягкой силы» в контексте процесса государственного управления. В статье рассматриваются конкретные аспекты взаимодействия «мягкой силы» как политического феномена и государственного управления как деятельности, осуществляемой государственной системой. Автором делается вывод о возможности использования «мягкой силы» как инструмента и объекта реализации внутренней политики государства. Акцентируется внимание на способности «мягкой силы» видоизменять политический ландшафт и поле принятия управленческих решений. Автор статьи постулирует наличие заметной зависимости потенциала «мягкой силы» государственного аппарата от реализуемого им внутриполитического курса.

Ключевые слова: административная реформа; государственная политика; государственное управление; «дискурсивная сила»; КНР; «мягкая сила»; «жесткая сила»; политическая власть; ФРГ.

The article is devoted to the meaning of the “soft power” concept in the context of the public administration process. The article discusses specific aspects of the interaction between “soft power” as a political phenomenon and public administration as an activity carried out by the government system. The author concludes that “soft power” is able to take place of both object and tool of the the state’s domestic policy. Attention is focused on the ability of “soft power” to modify the political landscape and the field of administration decision-making. The author of the article postulates the presence of a noticeable dependence of the potential of the “soft power” of the state apparatus on the domestic policy pursued by it.

Keywords: administrative reform; public policy; public administration; “discursive power”; PRC; Soft power; Hard power; political power.

Концепция «мягкой силы», вследствие своих эссенциальных свойств, занимает существенное место в части научно-политического дискурса, связанной с анализом ее как феномена власти, так и отдельных ее форм и проявлений. Это продиктовано хотя бы тем, что сам автор концепции, американский политолог Дж. Най, охарактеризовал «мягкую силу» как способность добиваться того, что тебе нужно, через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату [1]. Применительно к сфере международных отношений под силой он понимает способность оказывать влияние на поведение других акторов для достижения желаемых результатов. При этом силовое воздействие в данном смысле осуществляется посредством принуждения или угрозы принуждения («кнут»); вознаграждения, стимулирования путем предоставления определенных экономических благ («пряник»); побуждения, проистекающего из привлекательности государства, которая ненавязчиво заставляет другого желать того же, чего желает субъект, оказывающий воздействие [2].

Также Дж. Най, основываясь на критерии способов оказания силового воздействия, выделил два типа «силы»: «жесткую силу» (включает в себя и военную мощь, и экономическое превосходство, «кнут» и «пряник») и «мягкую силу» (осуществляется посредством третьего способа оказания силового воздействия – так называемой привлекательности).

К «жесткой силе» Дж. Най относит военную силу и угрозу ее применения, разного рода формы экономического давления, например санкции и другие меры принуждения. Таким образом, суть и «жесткой силы», и «мягкой силы» примерно сходна: она заключается в способности достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разграничительной чертой между ними является инструментарий, при помощи которого власть осуществляется: проецирование «жесткой силы» реализуется через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силой» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество

более широкого характера, как правило, на базе единых культурных, политических, экономических и идеологических ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих и позволяющих оказывать влияние на другие страны [3]. «Жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект. Воздействие «мягкой силы» на объект носит непрямой, косвенный характер.

В целом, согласно Дж. Наю, основаниями «мягкой силы» могут служить:

1. Культура, как «высокая», так и «массовая» (в тех ее частях, которые привлекательны для других), представляющая собой набор значимых для общества ценностей.

2. Политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны и выражаются в конкретном политическом курсе, так и за рубежом).

3. Внешняя политика (в случае, если она носит легитимный характер, целесообразна с точки зрения морали и соответствует провозглашаемым политическим ценностям).

Указанные основания являются и главными ресурсами, формирующими «мягкую силу» государства. Культура и политические ценности являются частью исторического наследия нации, а внешняя политика как внешнеполитический курс носит субъективный кратковременный характер.

Важно упомянуть, что у «мягкой силы» существуют два содержательных аспекта [4]. Первый аспект – это пассивная «мягкая сила». Данный тип «мягкой силы» состоит из определенных статичных черт, присущих тому или иному государству, той или иной нации. Фактически, данный аспект «мягкой силы» является статичным ее проявлением, поскольку для того, чтобы задействовать пассивную «мягкую силу» не требуется дополнительных усилий или действий. Вторым содержательным аспектом «мягкой силы» является активная «мягкая сила». Данный аспект проявляется в случае, когда тот или иной актор делает определенные шаги к тому, чтобы донести до другого актора свои преимущества и сформировать в общественно-политическом пространстве этого актора позитивный образ себя или выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу [5].

Дж. Най трактует «мягкую силу» как косвенный способ осуществления власти. «Мягкая сила» действует, лишь побуждая других следовать определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения. При этом американский политолог подчеркивает, что «мягкая сила» ни в коем случае не идеалистична, а является лишь инструментом, который может быть использован как во благо (всеобщее или сугубо национальное), так и во вред.

«Мягкая сила» как социополитическое явление может быть раскрыто на нескольких уровнях. Так, «мягкая сила» может быть трактована как одна из форм власти, присущая человеческому социуму. В таком случае возможно ее применение органами государственной власти в процессе управле-

ния общественной системой. «Мягкая сила» способна выступать в качестве компонента социально-политического влияния того или иного субъекта как внутренней, так и международной политики, продуцируемый привлекательностью его образа, ценностей, идеологии или тех или иных функциональных черт субъекта. Наконец, понятие «мягкой силы» может обозначать конкретный набор определенных политических технологий, применяемых для продвижения национальных интересов того или иного государства как на международной арене, так и на внутривнутриполитическом поле. В этом случае акторы международных отношений имеют возможность применять эти технологии для расширения своего влияния на сферу внутренней политики других государств.

Очевидно, что «мягкая сила» как властный феномен, преимущественно сферы международных отношений, тем не менее имеет неразрывную связь с публичной политикой и государственным управлением как таковыми. В целом многообразие форм взаимодействия процесса государственного управления и «мягкой силы» видится возможным свести к нескольким общим категориям.

Во-первых, «мягкая сила» выступает в качестве аспекта и инструмента государственного управления. То есть аппарат государственного управления использует «мягкую силу» как совокупность технологий для расширения своего влияния внутри государства как формы организации общества. «Мягкая сила» применяется для осуществления прямого управления социальными процессами, повышения авторитета и легитимности существующего строя и формирования политико-психологических паттернов поведения, способствующих укреплению сформировавшегося в государстве status quo. Ключевым субъектом применения «мягкой силы» становится государственный аппарат, а объектами – общество и его институты. Как в случае и с использованием «мягкой силы» в международных отношениях, можно констатировать факт того, что «мягкая сила» использовалась в управлении внутривнутриполитическими процессами задолго до институализации концепции «мягкой силы» [6]. Так, российский политолог Ю. В. Ярмак в ряде своих работ отмечает, что идею «мягкой силы» и различные способы ее применения возможно обнаружить уже в ранних государствах: в древних Египте, Шумере, Вавилоне, Карфагене. В частности, к первым случаям использования «мягкой силы» Ю. В. Ярмак склонен относить как институт обожествленного правителя (фараона) в Египте, так и чрезвычайную влияние касты жрецов в Древнем Шумере. Особый акцент делается на феномене, который в последствии встречался и в истории Древнего Рима, и Древнего Китая, – культурная ассимиляция завоевателей и принятие ими образа жизни коренного населения как более цивилизованного и продуктивного.

В современном мире, по мнению некоторых исследователей, значимость «мягкой силы» как инструмента государственного управления возрастает

в силу того, что сверхскоростные структурные изменения в системе общественных отношений, утрата значимости и регулирующего потенциала традиционными институтами привели к ситуации «диффузии власти». Так, по мнению кандидата политических наук Е. О. Сониной, власть и влияние приобретают полицентричную и многоуровневую организацию, предполагающую не только (и даже не столько) скоординированные, формализованные, прогнозируемые действия, но и действия относительно автономные, не прогнозируемые и не очевидные [7]. Таким образом, государство теряет монополию ключевого субъекта влияния во внутренней политике. Возможность применения «мягкой силы» во внутренней государственной политике признает ряд китайских исследователей, что в своей работе отмечает кандидат политических наук Д. М. Ковба.

Однако одним из примеров практического применения «мягкой силы» как инструмента государственного управления являются аффилированные фонды, спонсирующие различные общественно-политические и научно-исследовательские мероприятия в и вне границ ФРГ: фонд им. Фридриха Эберта (основан в 1925 г., относится к СДПГ), фонд им. Конрада Аденауэра (основан в 1965 г., относится к ХДС), фонд им. Розы Люксембург (основан в 1992 г., относится к Die Linke), а также аналогичные фонды других системных политических сил.

Несмотря на то что главным направлением таких фондов является внешняя политика, значительная часть мероприятий, финансируемых фондами, проводится и в рамках ФРГ. Организации, формируемые политическими партиями, играют значительную роль как в продуцировании «мягкой силы» на электорат, его интеграции, так и в политической социализации граждан. Так, блок ХДС/ХСС включает в свою структуру ряд объединений, таких как:

- а) Молодежный союз (молодежное крыло блока);
- б) Женский союз;
- в) Студенческий союз;
- г) Объединение среднего класса и бизнеса.

Во-вторых, государственный внутривнутриполитический курс, в свою очередь, выступает в качестве фактора, влияющего на «мягкую силу» государства, как положительно, так и отрицательно. Например, именно внутривнутриполитический курс и специфика системы государственного управления может рассматриваться как одна из слабых точек «мягкой силы» КНР в случае применения ее к целевой аудитории в США и странах Западной Европы. В то же время экономический потенциал и культурный элемент «мягкой силы» этой же аудиторией могут восприниматься крайне положительно.

В-третьих, «мягкая сила» иностранного государства, реализуя потенциал своего воздействия, способна трансформировать социополитическое и информационное поле, в рамках которого органы государственного управления формируют и реализуют внутривнутриполитический курс. В частности, «мягкая сила», воздействуя на ценностные предпочтения населения,

задает «повестку дня», т. е. в некоторой степени формирует перечень задач и проблемных вопросов, решение которых является целью государственного управления. Это, в свою очередь, детерминирует сосредоточение, фокусирование внимания государственной политики на тех или иных вопросах. В то же время «мягкая сила», формируя общественно-политический дискурс, воздействует и на образ мышления государственных служащих. В данном случае показательным является пример КНР, в последние годы производящей трансформацию своего подхода к политике «мягкой силы».

Классический подход к политике «мягкой силы», которого долгое время придерживалось китайское руководство, сформировался на рубеже 1990–2000-х гг. Обращение внимания китайского академического и управленческого сообществ к вопросам применения «мягкой силы» во внешней политике стало своеобразной реакцией на значительный рывок КНР в экономическом развитии, а также рост ее геополитического влияния. Главным предметом дискуссии стали основания, на которых Китай, претендующий на роль регионального лидера, смог бы выстраивать свою «мягкую силу». В рамках этой дискуссии сложились два ключевых подхода: культурный и комплексный. Культурное направление базировалось преимущественно на идее использования национальной культуры как главного основания и ресурса «мягкой силы». Это было вызвано и вышеупомянутым неприятием западной общественностью внутривосточного курса КНР, и определенным универсализмом китайской культуры: насчитывая в своей истории не одно тысячелетие, именно культура могла компенсировать непопулярность внутренней политики КНР.

Сторонники комплексного подхода рассматривают в качестве основания и ресурса «мягкой силы» не только и не столько национальную культуру, сколько комплекс факторов, ключевую роль в котором играют привлекательность экономической модели и внешнеполитическая репутация. Долгое время в китайском академическом дискурсе доминировал первый подход. Тем не менее в последние годы, на фоне некоторых неудач выстроенной на основании ценностей национальной китайской культуры системы «мягкой силы», китайская дипломатия делает все большую ставку на так называемую дискурсивную силу, или институциональную дискурсивную силу [8]. Сущность данного вида силы заключается в определении дискурса, изменении образа мышления и видения предпочтительного социального, политического устройства, а также миропорядка, что, в свою очередь, должно способствовать изменению институциональных рамок функционирования внешней политики КНР. Несмотря на то что некоторые исследователи разделяют «дискурсивную силу» и «мягкую силу», автор склонен расценивать «дискурсивную силу» как один из видов «мягкой силы». В частности, «мягкая сила» также ставит своей целью трансформацию предпочтений граждан, государственных служащих и элит, что, в свою очередь, определяет и развитие институтов внутренней и международной политики. Таким

образом, можно сделать вывод о том, что именно на использовании данной формы взаимоотношения «мягкой силы» и государственного управления в последнее время сосредоточена китайская дипломатия.

Вследствие вышеуказанного некоторые методы, применяемые государственными служащими в рамках процесса государственного управления, а также основополагающие принципы, устанавливающие структурные особенности управленческого аппарата, могут являться следствием влияния, продуцируемого иностранной «мягкой силой». В частности, в качестве примера подобного воздействия доктор политических наук Е. Г. Дьякова приводит так называемую административную моду, т. е. склонность государственных служащих заимствовать те и или иные управленческие решения из практики тех или иных стран [9]. Так, если в начале XXI в. законодателями такой моды являются США, то в конце XIX в. многие управленческие практики заимствовались у кайзеровской Германии и Франции. По мнению Дьяковой, популярность идей «электронного правительства», «корпоративного управления» и «нового государственного менеджмента» во многом продиктована не столько эффективностью данных практик как таковых, сколько существующим образом «успешности» стран коллективного Запада. При этом реальная результативность управленческих реформ может не учитываться, а приведение системы государственного управления к общему «цивилизованному» стандарту становится самоцелью. Сам же концепт, выработанный в рамках той или иной системы и имплементируемый в управленческую практику, не является «нейтральным», а содержит сущностные черты, присущие породившей его политико-экономической системе.

Исходя из вышеуказанного возможно заключить, что несмотря на превалирование в научном дискурсе трактовки «мягкой силы» как ненасильственного инструмента скорее внешней политики государства, чем феномена внутривнутриполитической сферы и управленческой области, «мягкая сила» на протяжении истории человечества неоднократно применялась как один из инструментов государственного управления. При этом она может выступать не только как инструмент государственного управления, но и как следствие его качества и как объект его воздействия.

Список использованных источников

1. Nye, J. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation [Electronic resource] / J. Nye. – Mode of access: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>.
2. Вилков, М. А. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / М. А. Вилков, А. О. Наумов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 2(9). – С. 191–196.
3. Русакова, О. Ф. «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковалева // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 15–19.
4. Паршин, П. Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2(35). – С. 14–21

5. Пономарева, Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева. – Режим доступа: www.Rustfact.ru/node/6256. – Дата доступа: 13.03.2019.

6. Ярмук, Ю. В. «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса / Ю. В. Ярмук // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4. – С. 69–75.

7. Сони́на, Е. О. Перспективы применения технологий soft power в государственном управлении: опыт административной реформы в современной России / Е. О. Сони́на // Дискурс-Пи. – 2017. – № 3–4(28–29). – С. 247–253.

8. Yongjing, Zhang. The Discourse of China's Soft Power and Its Discontents / Yongjing Zhang // Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics. – NY: Lexington books, 2009. – P. 45–60.

9. Дьякова, Е. Г. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг // Дискурс-Пи. 2017. – № 3–4(28–29). – С. 229–237.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

В. С. Хомич

Белорусский государственный университет, Минск

V. Khomich

Belarusian State University, Minsk

УДК 321

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE TRANSFORMATION OF CAPITALISM IN THE CONDITIONS OF MODERN POLITICAL SYSTEMS

В статье рассматривается капитализм как аспект современных политических систем. Капитализм определен как общественный строй с системой доминирования частнособственнической модели производства и рыночного обмена, влияющих на постоянное изменение социально-политических институтов. Проанализирована трансформация теоретического осмысления капитализма и его влияние на изменения современных политических систем на примере западных стран. Отдельно изучен опыт развития рыночной экономики и политических систем Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: капитализм; капитализм «заинтересованных сторон»; либерально-демократическая политическая система; постдемократия; «постмодернистское разделение»; ценности.

The article considers capitalism as an aspect of modern political systems. Capitalism is defined as a social system with a system of domination of the private-property model of production and market exchange, affecting the constant change of socio-political institutions. The transformation of the theoretical understanding of capitalism and its impact on changes